

18+

ОЛЬГА ЛОМАКИНА

# КТО ЗДЕСЬ?

СБОРНИК РАССКАЗОВ



Ольга Ломакина

**Кто здесь? Сборник рассказов**

«Издательские решения»

**Ломакина О.**

Кто здесь? Сборник рассказов / О. Ломакина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-539294-7

Женский взгляд на смысл жизни.— Любовь— Смерть— и другие экзистенциальные данности.«Мы способны видеть в окружающем мире только то, что есть в нас самих. Даже если это фантазии. Мозгу всё равно, реальное событие или нет. Он одинаково реагирует на грузовик, который несётся в лобовую, и на смертельную опасность, рождённую в голове. В обоих случаях человек пугается по-настоящему: тело мобилизуется, чтобы спастись, сердце стучит сильнее, ладони потеют» Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-539294-7

© Ломакина О.  
© Издательские решения

# Кто здесь?

## Сборник рассказов

Ольга Ломакина

© Ольга Ломакина, 2021

ISBN 978-5-0053-9294-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сборник рассказов «Кто здесь?»

1

**Кто здесь?**

«Так странно, я думала, когда умру, то не буду ничего чувствовать», – Лиза сползла с кровати и как была, в клетчатой фланелевой пижаме, вышла во двор. Из распахнутого окна прямой волной прямо в сад лился вязкий приторный запах ландышей и успокоительного и смешивался с нежным ароматом первых цветов.

«Умирать не так уж и страшно: заснула и очнулась уже мёртвой, – Лиза опустила взгляд вниз, посмотрела на ноги и тут же сбросила пушистые тапочки: – Больше они мне не понадобятся». Она поспешила к калитке и, распахнув ее, покинула двор.

На третьи сутки блужданий по пустынному городу, Лизу накрыло беспокойство. Страх, червивым сгустком раздражал желудок. «Я начинаю разлагаться. А меня до сих пор не похоронили. Стоит найти морг и остаться там, с другими покойниками, пока за мной не придут». Ее босые ступни ощущали шершавость асфальта, спотыкалась о бордюры и чугунные люки. Ее ноги покрылись запёкшейся кровью, уличной грязью, на пальцах сочились свежие ссадины, а в голове тревожными вихрями кружились обрывки воспоминаний:

Сперва подул пыльный ветер. Дерзким порывом он задрал вверх лёгкие юбки прохожих девушек. Лиза не успела опомниться, как тонкая шаль с шеи бросилась ей в лицо. Небо быстро стало серым и грузным. Совсем рядом сверкнула молния, и тут же улицу взорвал раскат грома. На головы разбегающихся людей полил сильный дождь.

– Сюда, идите сюда. Скорее, прячьтесь! – Молодой мужчина, потянул оцепеневшую Лизу за рукав курточки. В гулком переходе, насквозь мокрая, со стучащими зубами, она пыталась поблагодарить незнакомца:

– С-спас-си-бо, – улыбнулась посиневшими от холода губами. Мужчина снял пиджак и накинул на ее узкие дрожащие плечи.

Потом они называли ту встречу первым свиданием. Самым удачным в их жизни. За первым последовали другие свидания, затем решились и съехались. Были целые недели, когда они не ссорились, а любили друг друга, но большая часть их совместного бытия состояла из ругани, взаимных обвинений и терпких обид.

– Дело не во мне, это ты стреляешь холостыми! – После очередного визита к врачу, Лиза рыдала и отказывалась соглашаться с реальностью, в которой у них не может быть детей.

– Но ты же слышала. Я тут ни при чём, – он всегда пытался оправдаться, а потом отмахивался и уходил в другую комнату. После вереницы изматывающих ссор и походов к дорогим специалистам, он снова закрылся в комнате. Вернулся оттуда с чемоданом и исчез навсегда.

В одиночестве Лиза прекратила плакать. Стала бестелесной и аморфной. Она не ходила и не летала, а ползала по дому, иногда тихо скулила и до крови обкусывала ногти. Как-то тёплым весенним вечером, когда в саду расцвели душистые ландыши, ей стало лучше. Лиза

приняла душ, смыла с волос липкий кислый пот, надела любимую фланелевую пижаму, легла на кровать и умерла.

\*\*\*

Город был погружен в предрассветный сумрак, когда первые прохожие наткнулись на истощенную, с белой, отливающей синевой кожей, босую женщину в пижаме. Их пугали её остекленевшие, мёртвые глаза и глухое невнятное бормотание. Люди косились, шептались, сторонились и быстро шли дальше.

На тротуаре старый дворник усердно орудовал метлой, выскребал из щелей прошлогодние листья, насвистывал в усы что-то по-весеннему лёгкое, но заметив худую, босую женщину с окровавленными ступнями и потухшим взглядом, он замер.

– Девушка, стойте, – старику не составило труда догнать несчастную. – С вами всё хорошо? Ай, я дурень, видно же, что всё плохо! – Он аккуратно, боясь испугать, взял незнакомку за костлявые плечи и повёл в дворницкую. Она послушно подчинилась, шла, не видя, препятствий на пути, сбивала об них ноги, словно слепая.

Дворник усадил одеревенелую гостью в кресло, предложил чаю, накрыл пледом и набрал номер скорой помощи.

Молодой врач вколол незнакомке какой-то препарат и начал расспрашивать растерянного дворника:

– Вы уверены, что она считает себя трупом?

– Хм, не то чтобы наверняка, но слышал как она бормотала: я гнию, мне нужно в морг, там меня найдут и похоронят.

– Очень интересно, – доктор почесал затылок.

– Бедняжка, такая худая. Как вовремя я её нашёл. Пытался накормить, но она отказывается от еды и даже воды. По-моему, она вообще не понимает, что такое еда, – Старик глубоко вздохнул и шумно выдохнул, – доктор, как вы думаете, она сошла с ума?

– Смотря что считать сумасшествием. Норма и патология – такие условности. Чего не проделывает психика, чтобы адаптироваться к окружающей действительности. Возможно с этой женщиной случилось что-то плохое, с чем она не справилась.

– Бедная. Это лечится?

– Не знаю, возможно. Нужно понять что с ней, прежде чем лечить. Сейчас мы отвезем ее в больницу, там специалисты посмотрят. Соберут анализы, понаблюдают. Вы ей кто? Документы у нее есть? – Приятный врач всё время что-то записывал.

– Я её отец, – внезапно соврал старик и с нежной грустью посмотрел на кровать, где мирно спала измождённая женщина. – А документов нет при ней. – и заметив настороженный взгляд врача, поспешно добавил: – Можно, я завтра приду? Если она будет в себе, спрошу, где документы и принесу?

Скорая забрала незнакомку и уехала. Дворник терзался приступами сомнений: «Зачем я соврал, что отец. Её записали под моей фамилией. А если у неё есть родные? – Потом отходил, и снова думал: – Такие родные – не родные. Бросили девочку. Это что же она почти голая, босая бродит по улицам, а её никто не хватился? Не нужны нам такие родственники!»

\*\*\*

За больничным окном кружили стаи громких птиц. Солнце усиливало невнятный цвет новой побелки. От стен сильно несло свежей краской. Запах был такой плотный и навязчивый, что Лиза почувствовала его желудком. Она открыла глаза и сразу закрыла. Непривычно смотреть на живой мир. Рот стянуло вязкой слюной – липкая, трудно глотать. В голове метались беспокойные мысли. Лиза вспоминала нескончаемые часы, проведенные на улице. Переживание своей смерти и запах трупного разложения исходящий от ее тела. Она помнила, как не ощущала себя: ни боли, вообще ничего; а теперь ступни горели, будто их пронзали тысячи

горячих иголок. Снова приоткрыла глаза. На тумбочке стояла бутылка с водой. Неуверенно, всё ещё чужими руками, Лиза дотянулась до неё и открутила крышечку.

– О, вы пьёте, значит воскресли. Мои поздравления, это чудо. – Лиза услышала молодой, веселый голос.

– Кто здесь? – пытаюсь соотнести прошлую реальность с настоящей, она шурилась, подслеповато всматривалась в приятное лицо врача.

– Все ощущения пока не вернулась, ориентация в пространстве налаживается, – он присел на кровать. – Что вы помните?

Лиза молчала и хмурилась.

– Вы в больнице, всё будет хорошо. То что с вами случилось – синдром Котара, редкая зараза, но не думайте об этом, лучше отдыхайте.

– Я помню, как умерла, – после долгой паузы прошептала Лиза. Её мысли остановились. Она знала, что уже вот так лежала в постели, только вокруг сильно пахло ландышами, а не свежей краской. Она вдруг испугалась чуждого и незнакомого нового мира, в котором ожила. Потёрла впавшие глаза и тихо заплакала от одиночества, от тревоги о своей новой жизни, в которой ей придётся заново осваиваться.

В палату вошёл улыбающийся старик. В одной руке он держал коробку, – и Лиза сразу подумала почему-то, что там пироги с капустой, – а в другой пакет.

– Вот, нашёл на улице. Я их постирал и высушил. Держи, родная, они тебе ещё понадобятся, – и протянул заплаканной Лизе пару пушистых комнатных тапочек.

## 2

### Как в кино

Летом утро наступает раньше, чем находят силы открыть глаза. Босиком, в мятой ночнушке, Зоя вяло шаркала на кухню. Под ногами крутилась трёхцветная кошка.

– Сейчас, Сима, я тебя накормлю.

– Мя-ау-ау, – орала кошка и тёрлась о голые щиколотки сонной хозяйки.

В ящике стола, рядом с пустыми пакетами и пробками от вина, Зоя нашла пакетик кошачьего корма.

– Последний. Пойду в магазин, иначе начнём голодать. – Она открыла холодильник. Там лежала сморщенная половина луковицы, затянута пищевой плёнкой и бутылка тёмно-фиолетового Мерло. – Раньше мы были для любви. Сейчас брошены. Ну почему?! – Внутри Зои громко булькнуло. Раскатисто заурчал живот. Она прислушалась и вздохнула: – Ведь всё было хорошо: милые свидания, свадьба на берегу моря, уютная квартирка в подарок от родителей, он на любимой работе, а я слежу за собой и домом. Ну почему он ушёл? – Зоя села на пол и зычно завопила. Кошка испуганно прыгнула за холодильник. Истошные завывания сменились плачем. Через несколько минут Зоя затихла. Веки опухли и пощипывали от слез: – Тебя тогда ещё не было, когда папа бросил мою мамочку, – Зоя заговорила с перепуганной кошкой. – Перед уходом он мне сказал: запомни Зоя, женщина должна за собой следить, быть подтянутой, вести здоровый образ жизни, всегда с причёской с хорошей кожей и самое главное – радоваться мужу! – из-под отёкших век снова полились слёзы. – Я скучаю по Марку. Сама не справляюсь, – голос стал капризно-ноющим, – смотри, Сима, во что мы превратились, – она окинула себя взглядом: обкусанные ногти, сухая шелушащаяся кожа, давно нестираная одежда, на больших пальцах ног остатки красного лака. – Ладно, не кричи. – Зоя успокоила надрывно мяукающую кошку и высыпала корм в миску. Сима жадно принялась за еду. – Ешь, киса. Мама сходит за покупками.

Утреннее солнце ударило по глазам. Она шархнула и полезла в сумочку за очками: «Так-то лучше». Осмотрелась. За месяц домашнего заточения, на улице многое изменилось: чёрно-рыжие газоны густо зазеленели, на клумбах буйствовали краски и жужжали насекомые. Деревья обзавелись густыми кронами. Прохожие девицы сверкали белоснежными коленями,

детвора уплетала мороженое. «Кажется, что он ушёл вчера», – Зоя сняла замшевый пиджак и повесила на руку.

Супермаркет находился совсем рядом – детский сад, школа, уютный сквер и кинотеатр. Глядя на его афиши, Зоя прерывисто всхлипнула, еле удержалась от истерики: старый плакат висел нетронутым, фильм ещё был в прокате. Этот последнее кино, которое они смотрели вместе. Марк тогда сидел ровно и неподвижно, ел свой попкорн и ни разу не обнял её за плечи, как раньше. В ресторане за углом, после прекрасного ужина он сказал, что уходит и не станет объяснять почему. Оплатил счёт, чмокнул Зою в ватно-белый лоб и ушёл.

Не осознавая как, с помутившимся взглядом, Зоя дошла до магазина. Беспорядочно сгребала с полок всё, что попадало под руку: курицу, свиные уши, детские творожки, мыло, вантуз, корм для щенков. Она пришла себя, когда ощутила, что коченеет ладонь. Разжала ледяные пальцы. Пачкапельменей упала в тележку. «Какой кошмар. Нужно это вернуть и взять необходимое». Зоя развернулась. Начала круг в обратную сторону. По мере того, как она снова проходила полки, вспоминала, что здесь взяла вантуз, а там корм для щенков. Поменяла его на шесть упаковок кошачьего.

Справившись с покупками, Зоя покинула равнодушный супермаркет и вдохнула июньский, щемящий тоской воздух. С небольшим, но полным пакетом направилась к кинотеатру. Крепкое каменное здание занимало часть мощёной площади в старом городе. Кинотеатр украшали выгибающиеся арки. Зоя зашла в одну из них, где светилась надпись «касса» и «расписание сеансов». Фильм начинался через двадцать минут.

В одной руке большое ведро попкорна, в другой пакет с продуктами и пиджак – она села на первый ряд, заняла два места в центре. Они с Марком всегда выбирали эти места, чтобы можно было свободно вытянуть ноги. Зоя села и положила вещи на соседнее кресло. Пятнадцать минут рекламы и наконец, титры и знакомый саундтрек. Первый кадр. Руки дрогнули, и Зоя не удержала ведро. Попкорн усеял чёрный пол.

На экране была Зоина кухня, её плита и её муж.

В сковородке для оладий трещало масло. Марк разливал тесто в формы.

– Привет, милый. Как спалось? – В коротенькой кружевной рубашке, едва прикрывающей голые ягодицы, Зоя вышла на кухню и чмокнула мужа в небритую щеку.

– Не успел поспать, ночью говорил с китайцами. Чуть не сорвалась сделка. – Он подмигнул сонной Зое. – Зато освободилось время для завтрака.

Марк сервировал стол как на праздник: салфетки под тарелками, приборы, жёлтый сок в хрустале, гора золотистых оладушков по центру, и белая роза в узкой вазе.

Зоя вяло ковыряла пышное, горячее тесто.

– Не нравится? – Улыбка стекла с его лица.

– Я на безглютеновой диете. Забыл?

– Забей. Раз в год можно позволить роскошь – завтрак от любимого мужа! – Марк положил себе ещё один оладушек и густо полил его сиропом.

Зоя на экране брезгливо сморщила нос.

Зоя в зале оцепенела и не мигая таращилась на экран.

– Собирайся быстрее, милый. Начало через сорок минут. – Нарядная Зоя выбирала туфли к маленькому чёрному платью.

– Я скоро! – Марк включил наушник и продолжил разговор по телефону.

– Ты ещё не переоделся? Быстрее! – Она сквозь зубы прошипела: «у него только дела на уме» и силой швырнула в стену замшевую туфлю.

Левой рукой Зоя нащупала пакет из супермаркета. Пошарила и нашла мягкую упаковку мороженого. Впопыхах разорвала бумагу и впиалась губами в приторно-сладкую, липкую мякоть. На экране говорили:

– Милая, у меня важная встреча. Задержусь. С меня подарок. Целую. – Марк оборвал разговор.

– А хули? Одиннадцать вечера! – Заорала в немой телефон Зоя. Пнула пуф и полезла в холодильник за бутылкой «шираза».

Она проснулась от ворсистого и тёплого прикосновения к щеке. «Шуба!» – пронеслось в полупьяном сознании.

– Смотри, кто у нас теперь есть! – Растёкшийся как масло Марк, совал ей в лицо трёхцветного котёнка.

– М-м-м... Уйди, дай поспать! – Зоя натянула подушку на голову. После бутылки вина страшно болела голова.

– Мама с утра злюка, – сюсюкал с котенком Марк.

Через несколько часов Зоя смогла расклеить отёкшие веки. Голова раскальвалась. Марк раскачивался в плетёном кресле, на его груди свернулся котёнок.

Зоя в зале вжалась в сиденье.

– Милый, я понимаю, что с кондачка такие разговоры не начинают. Но этот кот не вовремя.

– Это кошка. Пусть будет Симой, – он погладил животное.

– Не важно. Я не хочу детей. – Зоя упала на диван. – Никогда. Женщины после родов толстеют, растяжки, обвисшая грудь. Я не хочу. Ты меня разлюбишь, если я изменюсь.

– Что ты такое говоришь?!

– Я уверена.

На улице стемнело. Сквозь туман сновали мутноглазые автомобили. От кинотеатра до её квартиры всего один квартал, десять минут. Зое показалось, что она шла месяц. Несла домой неподъёмный пакет с едой для себя и кошки. Теперь она точно знала – Марк не вернётся. Нужно учиться жить заново.

### 3

#### Лаванда

Возле городского крематория всегда многолюдно. Бывает, ритуальные процессии идут конвейером, особенно летом. Не всякое сердце выдерживает вязкую, тугую жару июльского воздуха.

В этот раз катафалков особенно много. Если двинуться от крематория дальше, к крохотной церквушке, а за ней – к стенам колумбария, то можно увидеть его – аккуратного мужчину с густой сединой и безжизненными серыми глазами. Он приходит к стене раз в неделю, по пятницам. Сегодня понедельник, второе июля. День рождения жены – первый, который пожилой человек встречает без неё в тоскливом, душном одиночестве.

– С праздником, любимая, – он поставил в крохотную вазу фиолетовый букетик. – На ужин как ты любишь – картофельный gratin. Сказала бы, что это просто картошка со сливками и сыром, я бы так не мучился. Искал рецепт, где только мог. Нашёл простой, но хороший. Приготовлю картофель с золотистой корочкой. Ты оценишь. Кстати, в саду расцвела лаванда. Я тебе принёс. Из-за неё не смог спать: зверски пахнет. Даже зарытые окна не спасают. Пока крутился, пытался уснуть, вспомнил наше первое свидание. Помнишь? Я пришёл с тремя длинными розами. Так гордился собой. Всю стипендию на них потратил. А ты, оказывается, всегда любила эти мелкие фиолетовые цветочки с невыносимым запахом.

По кладбищу, мимо стены с урнами проходили люди: закончилась очередная панихида. Мужчина замолк. Долго смотрел на чёрные спины, выпроваживал толпу застывшим взглядом. Невысокая женщина отделилась от траурной вереницы и остановилась у колумбария. Удивлённо воскликнула и стала вслух читать имена умерших и даты их смерти. Мужчина суетливо озирался, хмурился, то и дело поглядывал на портрет жены, выгравированный на антрацитовый плите. Наконец выпрямился и негромко обратился к дерзкой гостье:

– Вам помочь? – несколько раз одёрнул полу пиджака. Женщина смешно взвизгнула и подпрыгнула.

– Ой! Простите, не заметила, что тут кто-то есть. Мне всегда жутковато в подобных местах, – она поправила короткие растрепанные волосы и с интересом развернулась к собеседнику. – Я впервые в крематории и первый раз вижу кладбище, где урны с пеплом складывают в ячейки в стене. Извините, если болтаю лишнее или раню ваши чувства. Я немного растеряна.

– Соболезную, – он кивнул женщине.

– Ерунда. Со мной всё в порядке. В смысле, умер коллега. Но ему было за восемьдесят. Старший научный сотрудник. Самый старший, – она улыбнулась. Глянула на бледного мужчину и мигом посерьёзнела. Поспешно прикрыла рот ладонью. – Ох, простите. Мы в таком месте, а я болтаю без остановки и язвлю. Нехорошо. Ещё раз, простите меня. А вы кого потеряли? – Не дожидаясь ответа, незнакомка пересекла тропинку из гравия, и подошла к мужчине. Он на секунду замер и попятился к портрету.

– О-о, какая красивая: Рита Коляда, – прочитала вслух женщина. – Это ваша жена? Ну конечно! «А я Соня Санина», – она протянула розовую узкую ладонь навстречу оцепеневшему.

– Я не могу! – Он резко развернулся и направился прочь.

– Прости-ите. Не хотела вас обидеть! – крикнула она вслед. Ухватилась руками за лицо и села на бордюр, шумно вздохнула: «Господи, какая же я дура. Совсем разучилась общаться с людьми. Какой кошмар. Кошмар!» – нашарила в кармане баночку с таблетками, открыла крышку, выпила одну. Тоскливо глянула на пустую дорожку и проглотила ещё таблетку.

На тропинке зашуршал гравий. Санина опустила руки и подняла голову. Мужчина вернулся. С пунцовым лицом под белоснежными волнами волос, быстро подошёл, протянул руку:

– Марк. Марк Коляда, – резко выдернул пальцы из холодной ладони Сони и снова поспешил уйти.

– Приятно познакомиться, Марк! – Соня встала, поправила мятую юбку и медленно, слегка покачиваясь, побрела вдоль стены колумбария с каменными портретами. – Мне не стоило пить вторую таблетку. А вам не стоило умирать, – бормотала она.

\*\*\*

К вечеру горячие летние запахи сгустились и смешались. Марк с неохотой вдыхал приторный воздух. Не спеша, вынес из сарая в сад ротанговый столик и два кресла. Протёр их от густой пыли. Сбегал в дом, поставил на стол блюдо с gratin, запотевшую бутылку белого вина и два бокала.

Из распахнутой двери гостиной бубнил голос диктора новостей. Марк не переносил тишину. Он наполнил бокалы, отхлебнул из одного: «за тебя, любимая, будь там счастлива». В саду застрекотали сверчки. Женский голос с экрана монотонно вещал: «Сегодня открылась выставка художницы Сони Саниной, „Время. Надежда. Любовь“. Она посвящена вечным темам – смерти и жизни. Соня потеряла семью в автомобильной катастрофе. Погибли сын и муж художницы, ей чудом удалось выжить. Экспозиция посвящена близким людям и всем тем, кто столкнулся с горем от потери любимых. Соня пишет светлые, вдохновляющие картины, из которых льётся любовь к жизни и надежда на будущее». Остаток вечера Марк просидел в тишине. Наедине с неожиданными, волнующими и пугающими мыслями о странной женщине с короткими, мило растрёпанными волосами. От них ускорялся сердечный ритм и приятно щекотало в паху. Марк цедил вино наедине с неожиданными, пугающими мыслями. Только шелестящие и щебечущие звуки из сада напоминали, что он жив, и мир вокруг тоже.

\*\*\*

Медленно, робея и озираясь по сторонам, Марк вошёл в галерею. Фантазии о Соне, тепло внизу живота, возникающее каждый раз при воспоминании о ней, пугали и соблазняли: чуть больше года прошло со смерти жены, разве можно пускать в сердце ещё кого-то?

Затаив дыхание, он рассматривал картины. Вдруг поперхнулся и замер.

– Это невозможно! – Губы задрожали. Марк впился глазами в портрет улыбающейся жены. Девственно-белый фон, нежные пастельные тона, голубоватая дымка вокруг и крупные солнечные блики оживляли любимое лицо.

– О, Марк Коляда! Рада, что вы зашли. Вернее – это чудо, что вы зашли. Я так рада! – Соня подошла сзади. Марк резко развернулся. Он чувствовал пощипывание в носу, глаза наполнились влагой, кожа на скулах натянулась:

– Это, это... – Он задыхался.

– Это ваша Рита. Надеюсь, вы не решите, что я сумасшедшая. Даже если так. Я больше не уверена, что нормальная. Но тогда у стены, я увидела вашу любовь. Свет первой встречи и жизни вместе. Он был везде, в вас, вокруг того мрачного места, в чёрном каменном портрете, он сиял даже в букетике лаванды. Не смогла забыть этот образ. Простите, что не спросила разрешения, – художница неловко одёрнула лёгкую белую блузу. – Что ж это я перед вами всё время извиняюсь? Странно выходит. Знаете, а ведь я ей даже завидую, вашей Рите. – Соня смотрела на светлый, живущий портрет Риты и на бледного Марка. Водила взглядом и растеряно улыбалась.

– Это прекрасно! – Марк шумно и протяжно выдохнул. – Спасибо, Соня. – Он, засуетился, вынул из-за пазухи небольшой сине-фиолетовый букетик с едким пряным ароматом. – Много в саду расцвело. Она бойкая, жадно хватается за жизнь. Очень сильная, не даст о себе забыть. Гляжу на лаванду и верю, что скоро станет легче. – Марк протянул Соне цветы, перетянутые золотистой лентой. – С открытием выставки вас.

#### 4

#### Табу

Мартовский снег падал густо, чтобы никто не подумал, что зима скупая старуха. За ночь навалило с избытком.

Лея нашла свою машину по пisku сигнализации: «Вот ты где, малышка. Потерпи, сейчас я тебя освобожу». Активно орудуя щёткой, Лея смела снег с лобового стекла и капота. Вспотела, зато не замерзла: на улице всё потрескивало от мороза. Зашла справа, и уронила веник. Между машинами, густо присыпанная снегом, стояла пара женских сапог и кожаный саквояж. «Ничего себе!» – Лея осмотрелась по сторонам в поисках босой женщины. Обошла все машины на парковке, прислушалась: на помощь не зовут, никто не выглядывает из-за угла. Она стряхнула снег с саквояжа, с треском расцепила зеленевший замок и выругалась: «Чёрт! Не может быть!» – Сумка до верха забита пачками денег. Лея ещё раз осмотрелась, но кроме ворон вокруг не было ни души.

Находки перекечевали в багажник ее красной «тойоты». До офиса Лея добралась быстро, даже не дослушала подкаст о загадках мышления. «Спят они все что ли. Где машины, где пробки? Испугались снега и поехали на метро? Как мне сегодня везёт!» – радовалась она, паркуясь у заснеженного подъезда. Прежде чем выйти, она внимательно осмотрела находку: добротные кожаные сапоги, совсем новые, низкий каблук слегка поцарапан. Саквояж с известным логотипом, вместительный, крепкий. Внутри клад: двадцать пухлых денежных пачек, перевязанных резинками. Лея рассматривала находки и пугалась собственной фантазии: «За эти деньжищи кого-то убили, а потом убили убийцу, а убийца убийцы умер от радости». Между деньгами затесался ежедневник, исписанный именами людей с адресами и номерами телефонов, следующей находкой оказался резной крест из тёмного дерева. На грудь такой не повесишь, слишком большой. Подобные кресты Лея видела в фильмах, их там держат экзорцисты перед одержимыми, или возможно, распятие украшало келью аскета: тумба с библией, жёсткая кровать, а над изголовьем он.

«С детства мечтала найти кучу денег. Вот, мечта сбылась. Я не суеверна, но эти деньги жутко пахнут. Чёрт его знает, с чем в придачу они идут. Вдруг это проклятие?» – она искала глазами маковку храма, чтоб перекреститься. Перекрестилась как смогла по памяти, на всякий

случай добавила: «Чур меня. Не тронь злой дух». Сплюнула через левое плечо и постучала по деревянному кресту. Глубоко вздохнула и стала листать ежедневник: «Нужно найти хозяйку сапог и вернуть деньги. Надеюсь, она жива».

\*\*\*

Над белоснежным кладбищем кружила чёрная стая грачей. Смотритель со скрежетом сгребал лопатой сугробы между могилами. Ещё немного поработать и будет порядок: пройти лопатой по дорожкам прямо до стены колумбария, по правую руку будет арочный проход. Повернуть под арку, и перейти с нового кладбища на старое. Затем налево, продвинуться вдоль гряды каменных склепов и покосившихся крестов. Там заканчивается кладбище, и начинается лес. Дикий, он смешался с забытыми могилами и кладбищенскими деревьями, которые посадили родственники покойных. Кто-то для красоты, чтобы живое дерево напоминало о бессмертной душе, а кое-кто верил, что после смерти человек продолжает жить, только в другом обличье – кусте или дереве.

В старую часть кладбища, смотритель трезвым не заходил. То ли от водки, то ли от возбуждения, – он слышал голоса. Иногда два, а бывало целый хор. Дойдя с лопатой до арки, он отхлебнул из чекушки, крикнул в рукав, закрутил пробку. Хотел спрятать бутылку в карман фуфайки, но промахнулся и она утонула в сугробе. «Матерь божья!» – Смотритель неистово перекрестился. По старому кладбищу плелась вереница следов от босых ног. У склепа, под развесистой липой сидела полураздетая женщина. От арки трудно расслышать, что она говорит, ещё грачи разорались, но её рот двигается, а руки жестикулируют. Женщина спорит с невидимым собеседником.

– Эй! – Смотритель сложил ладони рупором, – Барышня, не чуди! Холодно! Иди сюда, я дам телогрейку. – Тишина. – Эй, помощь нужна? – Он подождал, трясущейся рукой нащупал в кармане телогрейки мобильный телефон.

Через двадцать минут над кладбищем завывала сирена скорой помощи.

– Ты чего ей не помог, не увел с мороза? Водки своей не налил? Девять утра, а ты в зюю! – полицейский отчитывал кладбищенского смотрителя, пока санитары укладывали смирную женщину на носилки и накрывали одеялами.

– Не знаю, – смотритель чесал затылок, – она с деревом говорила. Я всякое передумал. А вдруг она нежить?

– Ты в своём уме? – полицейский обмяк и рассмеялся. – Нежить! – Ты сколько лет на кладбище работаешь?

– Начальник, не смейся. Я разное видел. Но больше слышал. Они там между собой общаются. Деревья. Даже ругаются и песни поют.

– Говорящие деревья! – полицейский икал от смеха. – Ты ж из военных. В этот раз я не напишу, что ты пьяный на работе. Но благодари бога, что она не очоленела, пока ты заговоры от нежити читал. – Участковый хлопнул растерянного смотрителя по плечу, – Пить меньше нужно!

\*\*\*

«Мне нужно было стать следователем», – гордая собой, Лея ехала в центр города, в кафе, где была назначена встреча с дочкой хозяйки сапог и саквояжа. По контактам в блокноте она быстро вычислила родственницу, сообщила что нашла деньги, записную книжку, договорилась всё вернуть и уже везла находки.

В пустом кафе за столиком сидела девушка с уставшим, заплаканным лицом. Увидев Лею, она выскочила навстречу.

– Спасибо вам огромное, – дочка пропавшей сильно трясла холодную руку Леи.

– Не за что. С вашей мамой всё в порядке? – Лея протянула находки. – Тут всё, – она опустила глаза и покраснела. – Я заглянула внутрь сумки. Но благодаря этому нашла вас. По записи в блокноте, – от неловкости и необычности ситуации Лея стала кусать губу.

– Это не её деньги, – девушка села на стул и судорожно всхлипнула. – Мама давно в секте. Сначала продала свою квартиру, машину. Отнесла всё туда. А потом такие же слабоумные носили деньги ей. Она больна. Пока принимала таблетки, всё было хорошо. Но эта секта. Они там не лечатся. Не верят в болезни. Их святой дух исцеляет. Я никак не могу ей помочь. – Красные глаза девушки наполнились слезами. – Знаете, это счастье, что у неё случился приступ. Что она пошла на кладбище, там её заметили, нашли и теперь она в больнице под присмотром врачей. Ей там обязательно помогут. Ко мне вернётся мамочка.

– Хорошо, что всё хорошо кончается, даже если начинается страшно, – Лея попрощалась. Поплелась к машине. От встречи на душе стало тоскливо. Захотелось домой под плед и хлебнуть рюмочку коньяка. Села за руль, потянулась включать подкаст о загадках мышления, который начала слушать утром, и чуть не выпрыгнула из машины. На сиденье рядом лежал резной крест из тёмного дерева: «Чёрт! Забыла отдать. Ладно, оставлю на память. А то через время не докажу себе, что такое могло случиться на самом деле».

## 5

### «Брызги шампанского»

Пьяная Саша сидела на подоконнике задрюпанной студии и говорила со спящей на диване, голой подругой. Она криво растирала тушь под опухшим глазом, отхлёбывала из горлышка вино и всхлипывала: «Шлюха – нет, неправда! Я не продажная подстилка, я – муза! А ты – дешёвая шмара. Тварь, не прошу, что уговорила меня поехать на ту хату. – Саша скривилась, надула разбитые губы и писклявым голоском продолжила, – Санечка, выручай, наламываются хорошие деньги. Один заказик: молодняк хочет пару танцев и потрогать. Платят, как за три часа обычной работы. Быстренько справимся и поедем в Дубай валяться на пляже. Только Жорику не говори. Накажет за левак. – Саша приложила бутылку к распухавшей скуле. – Сука ты, Эллка!»

На диване под голой Эллой растеклась чёрная лужа.

– Блять, Элла, подъём! Оплатишь мне химчистку. Давай, вали отсюда, – Саша пыталась растормошить подругу. Та пьяно мычала. – Ладно, проспийся, поговорим!

– М-м-ма-ма... – Элла повернулась на бок. На её огромных рыжих сосках сверкали розовые наклейки: сердечки с ободранными кисточками.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.